

К. И. Зубков

ИДЕЯ УРАЛА В ПРЕЛОМЛЕНИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОПОЛИТИКИ*

При всей ясной выраженности своих природно-географических характеристик (древняя, сильно разрушенная горная страна, разделяющая по меридиану две величайшие равнины Евразии — Восточно-Европейскую и Западно-Сибирскую) Урал, тем не менее, может быть отнесен к регионам, которые были сформированы силами и обстоятельствами в большей мере истории, чем географии. Соответственно, роль таких регионов в истории определялась не столько постоянством их географических свойств, сколько эволюционирующей, пластично изменяющейся семантикой их связей с окружающими территориальными ансамблями. Возможно, именно поэтому попытки определить границы Уральского региона никогда не находили твердой опоры в фактах одной только географии и неизбежно должны были учитывать более широкие пространственные проекции, определяемые силой экономических и культурных влияний Урала на сопредельные территории. Симптоматично, что в 1923 г., в разгар кампании по районированию Советской России, уральских руководителей больше всего беспокоило именно то, что вместо проектируемой ими мощной области они могли получить на выходе одну «только географическую карту Урала» — узкую, вытянутую по линии горного хребта цепь стареющих металлургических заводов, слабо связанных меридиональными железными дорогами.¹

Эти особенности позиционирования Урала в структуре формирующейся государственной территории России находили весьма противоречивое отражение в русской историографии. Урал допетровской эпохи едва ли рассматривался большинством крупнейших русских ис-

ториков как самостоятельная региональная величина: он всецело отождествлялся с узкой линией горного хребта, отделяющего Европейскую Россию от Сибири. При этом, однако, историки не обошли вниманием те особенности Уральской горной страны, которые если и не устраняли вообще этот «разделительный» момент, то, по крайней мере, существенно не препятствовали формированию геополитической целостности российских территорий. Об относительной легкости и незаметности для русских людей решающего перехода через Уральские горы, состоявшегося при Иване IV, — «по их незначительной высоте» и близости истоков рек камской и сибирской систем — уверенно говорил С. М. Соловьев.² Об условности и проницаемости проходящей по Уралу границы между Европой и Азией как о важном факторе, определившем взаимопроникновение европейских и азиатских начал в истории России, упоминал В. О. Ключевский.³ Региональные контуры Урала — уже не только как географического рубежа, но и как обширной и довольно однородной соединительной платформы между Европейской и Азиатской Россией намечал В. И. Ламанский, который подчеркивал: «Между восточными и южными окраинами Европейской России и западными и северо-западными окраинами русской Азии... не существует никаких строгих и резких различий и противоположностей ни в географическом, ни в этнологическом, ни в историко-культурном отношении».⁴ М. К. Любавский, рассматривая процесс русской колонизации Урала и Сибири, приходит к важному выводу о том, что со времени образования Строгановской «вотчины» в южном Прикамье (1558 г.) можно говорить уже о зарождении на Урале относительно самостоятельного центра русской исторической жизни — не только хозяйственно полнокровного и давшего начало русской горной промышленности (в виде соляных промыслов), но и способного на историческую инициативу. Решающий акт при-

¹ ГАСО. Ф. 241р. Оп. 2. Д. 2352. Л. 55.

Зубков Константин Иванович — к.и.н., в.н.с. сектора историографии и методологии Института истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

* Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Урал в контексте российской цивилизации: геоэкономические, институционально-политические, социокультурные традиции и трансформации (теоретико-методологические подходы к изучению)»

² Соловьев С. М. Сочинения. Кн. I: История России с древнейших времен. Т. 1–2. М., 1988. С. 69.

³ См.: Ключевский В. О. Сочинения: в 9 т. Т. I: Курс русской истории. Ч. I. М., 1987. С. 63, 65.

⁴ Ламанский В. И. Геополитика панславизма. М., 2010. С. 190, 191.

соединения Сибири историк вполне обосновано объяснял не столько усилиями далекой московской власти, сколько возникновением в Прикамье важного плацдарма, да и самой идеи, завоевания Сибири: «Дальнейшая инициатива в деле покорения Сибирского царства и утверждения в нем русских людей вышла уже не из центра, а с северо-восточной окраины Московского государства, из новозаселившейся Пермской земли».⁵ Действительно, удовлетворенные правительством в 1574 г. притязания Строгановых на соседние с Прикамьем сибирские земли создают впечатление осознанной «достройки» ими своего предприятия в виде чего-то похожего на устойчивый регионально-хозяйственный комплекс. Уже поэтому, с точки зрения последствий для процесса регионообразования, между новгородскими, а затем и московскими походами в Северо-Западную Сибирь в XIV–XV вв., в лучшем случае связанными с Уралом лишь разведками удобных межгорных перевалов, и исторической обстановкой, делавшей поход Ермака в Сибирь естественным продолжением широкой русской колонизации Приуралья, пролегает огромная качественная дистанция.

Но, пожалуй, с наибольшей полнотой высказанные русской историографией взгляды на место и роль Урала в истории России были обобщены и развиты в исторической концепции евразийцев. Согласно П. Н. Савицкому, в географической структуре «русского мира» Урал никогда — по крайней мере, в последние несколько веков его истории — не играл той «определяющей и разделяющей роли», которая ему приписывалась географической наукой, и, соответственно, не нарушал непрерывного единства «России-Евразии». Благодаря своим орографическим и геологическим особенностям, подчеркивал Савицкий, Урал не разъединяет, а, наоборот, теснейшим образом связывает «Доуральскую и Зауральскую Россию», образуя их своеобразное «шарнирное» сочленение. Это проявляется не только географически (т. е. в том, что меридиональная цепь Урала нигде не нарушает «флагоподобного», широтного чередования почвенно-ботанических и климатических зон Евразии), но и исторически. Задолго до похода Ермака — со времен существования Джучиева улуса — Уральский хребет фактически перестал

быть и сколько-нибудь существенным геополитическим рубежом. Даже при весьма примитивных средствах передвижения через него в обоих направлениях осуществлялась интенсивная и вполне беспрепятственная циркуляция геополитических влияний (походы московских ратей в Югорскую землю, активная вовлеченность зауральских ханов в русско-ордынские отношения и в борьбу с Москвой за влияние в Казанском ханстве, набеги вогулов и сибирских татар на русские владения в Перми Великой, строгановском Прикамье и Башкирии и т. п.).⁶ Замечательные черты сходства обнаруживала и тактика распространения русской власти по обе стороны Урала с помощью цепочки крепостей, опирающихся на реки: артерия Волги с Казанским и Астраханским кремлями почти зеркально воспроизводит артерию Туры и Тобола с кремлями Верхотурья и Тобольска.⁷

Последнее обстоятельство, кстати, наглядно показывает, что русская колонизация сталкивалась с гораздо большими препятствиями и жертвами в ходе преодоления границы между лесом и степью, чем горной преградой Урала («Земного пояса» средневековых географов). Напряженный ритм колонизации, определявшийся этапами освоения широтных полос, стабилизируемых укрепленными линиями, и ощущавшийся еще и в XIX в., резко контрастирует со стремительным броском Русского государства за Урал и выходом к Тихому океану уже к середине XVII в. Неизбежные длительные остановки в движении русской колонизации с севера на юг в какой-то степени объясняют, почему для составителей «Книги Большому чертежу» (конец XVI — начало XVII вв.) было вполне чуждым восприятие Урала как единой горной страны: наиболее высокий — северный — отрезок Уральского хребта, собственно и получивший название «Камень», еще никак не связывался ими с южными «Аралтовыми горами» (Уралтау), а сглаженная, часто вообще не замечаемая съёмщиками средняя часть Урала едва ли вообще рассматривалась как непрерывная горная цепь.⁸

Ранние представления русских людей об Урале в целом обнаруживают причудли-

⁵ Любавский М. К. Обзор русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 439.

⁶ См.: Савицкий П. Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 279, 300, 311.

⁷ Там же. С. 316.

⁸ См.: Магидович И. П., Магидович В. И. История открытия и исследования Европы. М., 1970. С. 212, 213.

вое переплетение реальной и имажинативной (воображаемой) географии, отражений непосредственного, непрерывно пополняемого землепроходческого опыта и нарративной традиции. Несомненно, что помещаемые «Румянцевским летописцем» между Московским государством и «Сибирской страной» «каменные и горы превысокия зело, яко инем холмом до облак небесных досязати»,⁹ — это вставной образ, имеющий отношение не к условиям похода Ермака, а к более раннему этапу проникновения русских людей в Сибирь через Полярный и Северный Урал, в первую очередь к реалиям московского похода в Югорскую землю 1499 г. В более полном прототипе «Румянцевского летописца» — в «Есиповской летописи» — эта характеристика Урала дополняется еще более архаичной вставкой («... так бо Божиими судьбами устроишь, яко стена граду утвержена»¹⁰), которая отсылает нас к представлениям средневековой географии об Урале как о крае Ойкумены, северной оконечности непреодолимой горной стены, отделяющей народы цивилизованного круга от народов «нечистых», отверженных Богом и запертых до Судного дня (Гог и Магог христианской космографии, Яджудж и Маджудж мусульманских географов). Печать этих мифических представлений, отличавшихся поразительной живучестью и нормативной силой, несут на себе и первые дошедшие до нас летописные известия о выходе русских к Уралу — упоминание о походе новгородцев под предводительством Улеба (Ульфа Рагнвальдссона) к «Железным вратам» (1032)¹¹ и рассказ Гюряты Роговича о походе новгородцев в Югру (1096).¹² Вместе с тем сведения о более южных подступах к Уралу, пролежавших через Волжскую Булгарию и башкирские земли, — начиная от сочинения аль-Истахри — Ибн-Хаукаля¹³ и заканчивая описаниями путешествий Рубрука и Плано Карпини¹⁴ — отмечены полным отсутствием всяких упоминаний о какой-либо горной пре-

граде, «запирающей» путь на восток. Точно так же, рассказ «Есиповской летописи» о походе Ермака в Сибирь, подробно описывающий маршрут его движения по рекам («Идоша же в Сибирь Чюсовою рекою и приидоша на реку Тагил, и плыша Тагилом и Турою, и доплыша до реки Тавды»), совершенно умалчивает о том, как он со своей дружиной перевалил через Уральские горы.¹⁵ Эти соответствующие духу средневекового мышления, фрагментированные, отмеченные узостью непосредственных впечатлений и перегруженные умо-зрительными конструкциями представления о восточной оконечности Европы в известной степени объясняют, почему целостное географическое видение Урала как протяженной горной системы, и тем более как особенной области, не могло возникнуть ранее рубежа XVII–XVIII вв. Одним из первых свидетельств такого расширения географического кругозора можно считать содержащееся в «Описании Сибири» (конец XVII — начало XVIII вв.) (по списку Императорской публичной библиотеки) упоминание о проходе Ермака «степью» (!) до «камня Верхотурскаго», который «лежит от моря-океяна поясом до моря Хвалинского высок и широк зело...»¹⁶

В этой связи несомненная научная заслуга евразийцев заключается в том, что, смещая фокус исторического анализа на внутренние части Евразийского континента, их концепция, возможно, в наибольшей степени способствовала преодолению взгляда на Урал и прилегающие к нему районы Сибири только как на периферию расширяющегося «русского мира», границу между цивилизацией и варварством. Евразийцы, несомненно, были правы, необычайно широко раздвигая геополитический горизонт ранней российской истории и предлагая рассматривать диспозицию в нем Урала в принципиально ином свете — как региона «осевого», стягивающего и организующего евразийское пространство. Задолго до того как Урал смог выдвинуться на эту роль связующего звена между Европейской Россией и все более сближающейся с ней Сибирью, подобный эффект, согласно Г. В. Вернадскому, по крайней мере, трижды воспроизводился в истории Евразии — в рамках «скифской», «гуннской» и «монгольской» эпох — в той

⁹ Полное собрание русских летописей. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. М., 1987. С. 32.

¹⁰ Там же. С. 44.

¹¹ Там же. Т. 43: Новгородская летопись по списку П. П. Дубровского. М., 2004. С. 52.

¹² Там же. Т. 38: Радзивилловская летопись. Л., 1989. С. 93.

¹³ См., напр.: The Oriental Geography of Ebn Haukal, an Arabian traveller of the Tenth Century / transl. by W. Ouseley. London, 1800. P. 192.

¹⁴ Плано Карпини Дж. дель. История монгалов. Рубрук Г. де. Путешествие в Восточные страны. Книга Марко Поло. М., 1997. С. 51, 52, 108, 109.

¹⁵ Полное собрание русских летописей. Т. 36. С. 51.

¹⁶ Сибирские летописи. Краткая сибирская летопись (Кунгурская). Рязань, 2008. С. 369.

мере, в какой геополитическая связность ее пространства поддерживалась повышенной подвижностью кочевых народов.¹⁷ Созданная завоеваниями Чингисхана и стремительно распадавшаяся в XIV–XV вв. «монголосфера» хронологически непосредственно предшествовала тому этапу геополитического объединения Евразии, который был открыт русской колонизацией Урала и Сибири.

Какими бы натянутыми ни казались попытки евразийцев искать прототип Российской империи в политическом наследии Монгольской державы, нельзя отрицать того, что их концепция содержала важное указание на системно-структурную зависимость развития составляющих Евразию регионов от масштаба и пространственной конфигурации вмещающего их геополитического формата. Поскольку всякий геополитический формат (в самом простом смысле — государственно-политическая форма) предполагает определенную систему контроля над пространством, любые сколько-нибудь существенные его изменения неизбежно отзываются ощутимыми перегруппировками векторов и изменением динамики регионального развития. В данном случае речь идет об особом регулятивном факторе исторического развития, который, в силу своей системной природы, подчас эмпирически неосознаем, но по производимому историческому действию — более чем реален.

Данный концептуальный взгляд позволяет лучше уяснить, в чем собственно заключалась «осевая», центростремительная роль Урала на обширных пространствах Евразии. Несомненно, что сама постановка вопроса о том, являлся ли Урал действительной преградой, замыкающей выход Российского государства на простор Евразии, представляет вполне односторонний взгляд на историю региона, а именно в том ракурсе, в каком она видится из великорусского исторического центра. Историко-геополитическая концепция евразийцев предлагала иную, более широкую и синтезирующую, трактовку исторической роли Урала, выводя на первый план обусловленный природно-географическими свойствами региона момент прерывности в том «однообразии природных форм», которое, согласно С. М. Соловьеву, вело к сравнительной однородности хозяйственных занятий славянско-

го населения Русской равнины и тем самым затрудняло взаимное экономическое «притяжение» и прочное сцепление ее отдельных редконаселенных частей.¹⁸ Именно созданный самой природой достаточно резкий переход от равнинных, впоследствии в основном земледельческих, частей Европейской России и Западной Сибири к неплодородной, но изобилующей рудами и минералами Уральской горной стране создавал эффект притяжения разностей, плодотворный для развития интенсивного хозяйственного обмена между горной, в будущем индустриальной, частью Урала и прилегающими к нему с запада и востока аграрными полосами.

Эти выводы евразийцев в основном опирались на антропогеографическое учение В. П. Семенова-Тян-Шанского, который стремился облечь в «экономогеографический закон» многочисленные факты, выявляющие зависимость резкой смены характера и типа экономической деятельности от «известного нарушения в строении земной коры» и от связанного с ним либо избытка горных богатств, либо смены климатических условий, ведущей к изменению характера почв и растительности.¹⁹ Эту закономерность географ прилагал — как к наиболее зримому ее примеру — к формированию Уральского горнопромышленного района, где именно азональная расчлененность рельефа исторически создала совокупность естественных предпосылок к преимущественному использованию горных богатств. В силу этого в региональной структуре России Урал, по мнению Семенова-Тян-Шанского, самой природой был предназначен к превращению в узловую, «срединный» регион, естественно расширяющийся за счет экономического притяжения более бедных в ресурсно-экономическом отношении соседних областей, и, как следствие, в «один из богатейших промышленных центров, имеющих первостепенное значение» для страны.²⁰ Принципиально отрицая разделение России на Европейскую и Азиатскую, Семенов-Тян-Шанский рассматривал развитие Урала в перспективе его выдающейся роли в оптимизации «могущественного территориального владения» России — как

¹⁸ Соловьев С. М. Указ. соч. С. 70.

¹⁹ Семенов-Тян-Шанский В. П. Район и страна. М.; Л., 1928. С. 140, 141.

²⁰ Семенов-Тян-Шанский В. Предисловие к пятому тому // Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Т. 5: Урал и Приуралье. СПб., 1914. С. IV.

¹⁷ С наибольшей последовательностью этот взгляд на историю Евразии был представлен в работе: Вернадский Г. В. Черта русской истории. СПб., 2000.

«оси», которая мощным притяжением хозяйственной жизни способна максимально сократить гигантский (почти в 3 тыс. км) разрыв между центром размещения населения страны и географическим центром ее территории. Эту задачу географ полагал одной из главных в обеспечении геополитической устойчивости всего здания русской государственности — как в видах охранения его от внешних угроз, так и с точки зрения лучшей организации в нем экономических процессов.²¹

Увлеченным номадологией евразийцам в подобном же свете виделась и роль Урала в истории кочевых народов Евразии. В их непрерывном движении вдоль евразийского степного «коридора» вклинивающийся в него лесистый, богатый металлами горный массив Урала (наряду с Алтаем и Кавказом) становился одним из естественных пунктов приостановки и перегруппировки кочевых волн и, в силу этого, одной из важнейших зон этногенеза.²² Этот вывод, впрочем, также не был открытием историков-евразийцев, поскольку стал общим местом в русской и европейской историографии уже к началу XIX в. Таким, в частности, дорусский период истории Урала виделся еще П. А. Словцову, который назвал регион «прародиною многих уральских семей и также становьем подвигавшихся с востока племен монгольского, турецкого и финского происхождения», «вековым стойбищем гуннов, торков, аваров, козаров, мордвы, черемисов, вотяков, болгаров и ногаев».²³

Из вышесказанного можно заключить, что евразийцы, аккумулируя выводы предшествующей русской историографии, теоретические достижения географии, экономики, естественных наук, вплотную подошли к выработке плодотворной в научном отношении историко-геополитической концепции, позволяющей осмыслить роль и место Урала в российской истории. Однако очевидно, что эта концепция носила все-таки не столько историографический, сколько нормативно-регулятивный ха-

рактер: она в большей степени была обращена в будущее, чем в прошлое Урала, и выражала прогрессивные научно-теоретические и общественные тенденции своего времени — рубежа XIX–XX вв., — в частности осознание наиболее дальновидными учеными и государственными деятелями объективно назревшей необходимости превращения Урала в мощный общероссийский центр хозяйственной жизни.²⁴ Подобные нормативные установки не всегда и далеко не просто могут становиться инструментом исторического анализа, поскольку разрыв между объективными естественно-географическими и системными предпосылками того или иного исторического процесса и конкретными формами его реализации может быть очень значительным. Особенности развития Урала как горнопромышленного региона с этой точки зрения весьма показательны. Например, несмотря на достаточно острую потребность государства в металлах в XVI–XVII вв., естественные предпосылки развития горной промышленности на Урале долгое время не могли реализоваться в порядке общего исторического прогресса — как ответ на хозяйственные нужды страны — и сколько-нибудь заметно изменить аграрно-промысловый тип колонизации восточных окраин. В течение всего XVII в. масштабы поисков рудных месторождений в регионе оставались ограниченными, а сами поиски — эпизодическими, деятельность же первых металлургических заводов — Ницынского и Пыскорского — отличалась неустойчивым характером. Подобных примеров «отклонения» региональных исторических процессов от траекторий развития, подсказываемых условиями географической среды и объективно назревшими потребностями государства и общества, в истории Урала можно обнаружить немало. Но именно при условии ясного понимания этих методологических ограничений нормативные идеи как раз и могут становиться инструментом взыскательной и критичной оценки исторического прошлого.

Ключевые слова: *Урал, историография, геополитика, регионообразование, евразийская концепция*

²¹ См.: Семенов-Тянь-Шанский В. П. Район и страна. С. 162, 194; Он же. О могущественном территориальном владении применительно к России. Очерк по политической географии // Пространственная экономика. 2008. № 2. С. 145, 149.

²² См.: Вернадский Г. В. Древняя Русь. Тверь; М., 1996. С. 235–240, 245, 246.

²³ Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири. Новосибирск, 1995. С. 540.

²⁴ Об этом см.: Зубков К. И. Геополитическая мотивация разработки и реализации Урало-Кузбасского проекта // Урал. ист. вестн. 2011. № 1(30). С. 22–24.

Konstantin I. Zubkov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology,
Ural branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

THE IDEA OF THE URALS FROM THE PERSPECTIVES OF HISTORICAL GEOPOLITICS

The article provides an analysis of various approaches to understanding the role and the place of the Urals in the historical development of the Russian state in the Russian historiography. It traces the influence of geopolitical ideas and concepts on the interpretation of the Urals' regions organizational specifics; reveals the novelty of theoretical approaches to modeling of the region's history in Eurasian historiography.

Key words: *the Urals, historiography, geopolitics, region-formation, Eurasian concept*

REFERENCES FOR CITATION DATADASE

- Klyuchevskiy V. O. Moscow: Mysl, Vol. I, 1987, 430 p. (in Russ.).
- Lamanskiy V. I. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii, 2010, 928 p. (in Russ.).
- Lyubavskiy M. K. Moscow: Izd-vo MGU, 1996, 688 p. (in Russ.).
- Magidovich I. P., Magidovich V. I. Moscow: Mysl, 1970, 453 p. (in Russ.).
- Plano Karpini Dzh. Del, Rubruk G. de. Moscow: Mysl, 1997, 460 p. (in Russ.).
- Polnoe sobranie russkikh letopisey* (Complete Collection of Russian Chronicles). Moscow: Nauka, Vol. 36, Part 1, 1987, 382 p. (in Russ.).
- Polnoe sobranie russkikh letopisey* (Complete Collection of Russian Chronicles). Leningrad: Nauka, Vol. 38, 1989, 178 p. (in Russ.).
- Polnoe sobranie russkikh letopisey* (Complete Collection of Russian Chronicles). Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury, Vol. 43, 2004, 368 p. (in Russ.).
- Savitskiy P. N. Moscow: Agraf, 1997, 464 p. (in Russ.).
- Semenov-Tyan-Shanskiy V. P. Moscow; Leningrad: Gosudarstvennoe izdatelstvo, 1928, 311 p. (in Russ.).
- Semenov-Tyan-Shanskiy V. *Prostranstvennaya ekonomika* (Spatial Economics), 2008, № 2, pp. 144–160. (in Russ.).
- Semenov-Tyan-Shanskiy V. *Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisaniye nashego otechestva: sb. nauch. tr.* (Russia. Complete geographical description of our fatherland: collected papers). St. Petersburg: Izdanie A. F. Devriena, Vol. 5, 1914, pp. III–IV. (in Russ.).
- Sibirskie letopisi* (Siberian chronicle). Ryazan: "Aleksandriya", 2008, 369 p. (in Russ.).
- Slovtsov P. A. Novosibirsk: Izd-vo "Ven-Mer", 1995, 676 p. (in Russ.).
- Solovev S. M. Moscow: Mysl, Book I, Vol. 1–2, 1988, 797 p. (in Russ.).
- The Oriental Geography of Ebn Haukal, an Arabian traveller of the Tenth. London: Printed at the Oriental Press, by Wilson & Co. wild-court, Lincoln's Inn Fields for T. Cadell, Jun. and W. Davies, Strand, 1800. 327 pp. (in English).
- Vernadskiy G. V. St. Petersburg: Izd-vo "Lan", 2000, 320 p. (in Russ.).
- Vernadskiy G. V. Tver: LYeAN; Moscow: Agraf, 1996, 448 p. (in Russ.).
- Zubkov K. I. *Ural'skiy istoricheski vestnik* (Ural Historical Journal), Ekaterinburg, 2011, № 1 (30), pp. 22–27. (in Russ.).